

УДК 32.019.5 (327)

Вукчевич Неманя

**РУСОФОБИЯ КАК ЭХО ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСЛЕДОВАНИЙ
В ПРОШЛОМ**

Институт международной политики и экономики
Республика Сербия

Vukceвич Nemanja

**RUSSOPHOBIA AS AN ECHO OF IDEOLOGICAL PERSECUTION
IN THE PAST**

Institute of International Politics and Economics
Republic of Serbia

Аннотация. Целью исследования является уточнение значения и значимости феномена «руссофобии» в долгосрочной политической ретроспективе на основе экстраполяции российских и иностранных источников. Термин «руссофобия» рассматривается как по своей сути негативный, политически и стилистически манипулятивный. Его использование отражает более широкую тенденцию, когда страх используется как инструмент манипулирования общественным мнением. Используемый начиная с XIX века, он обусловлен еще в XI веке Великой схизмой – хотя и не под именем «руссофобия», а его современное значение является продуктом информационных технологий и геополитических событий. Этот термин эволюционировал, чтобы отразить страх перед Востоком в современном политическом дискурсе, находящимся под влиянием культурных стереотипов и геополитического соперничества как инструмента сохранения или утверждения идентичности. Со времен Холодной войны «руссофобия» является ключевым термином в политике биполярного мира и служит различным геополитическим интересам, которые не теряют своей актуальности и сегодня, способствуя возникновению кризисов и конфликтов.

Ключевые слова: руссофобия, идеологический конфликт, политический дискурс, международная напряженность.

Abstract. The aim of the study is to clarify the meaning and significance of the phenomenon of "Russophobia" in a long-term political retrospective based on extrapolation from Russian and foreign sources. The term "Russophobia" is seen as inherently negative, politically and stylistically manipulative. Its use reflects a broader trend where fear is used as a tool to manipulate public opinion. Used since the 19th century, it was conditioned back in the 11th century by the Great Schism – although not under the name "Russophobia", and its modern meaning is a product of

information technology and geopolitical events. This term has evolved to reflect the fear of the East in modern political discourse, influenced by cultural stereotypes and geopolitical rivalry as a tool for preserving or asserting identity. Since the Cold War, "Russophobia" has been a key term in the politics of the bipolar world and has served various geopolitical purposes.

Keywords: Russophobia, ideological conflict, political discourse, international tension.

Само по себе слово «руссофобия» некрасиво, как, например, и слово «агорафобия». Политически непорядочно и лукаво связывать с каким-либо народом или нацией несущую подобное лексическое значение морфему. В этом смысле она и стилистически всегда соответствует негативной семантике, которую морфологически обозначает, с самого начала придавая, как мы полагаем, всему слову манипулятивный характер. Мы согласны с Лукашем Малэцки, который пишет, что «страх является прекрасным средством для манипулирования общественным мнением, так как он отключает здравый смысл» [11. с. 147]. Другими словами, страх всегда благоприятен для манипуляций. Немецкий социолог Ульрих Бек говорит о том, что «страх становится доминантой, а необходимость найти надежную опору, гарантирующую чувство безопасности, приобретает доминирующее, если не приоритетное значение для запуганного всем и всеми человечества XXI века» [16. с. 60]. Так, хотя, «руссофобия» и была конструирована ранее, увеличена посредством информационных технологий, в ходе не так давних и даже совсем недавних исторических глобальных событий, данное слово принадлежит лексикону как нашей современной эпохи, так и наших родителей, и их родителей, которые еще могут быть живы.

Мы придерживаемся мнения о том, что это слово, которое усиливает и черпает свою актуальность, популярность и проявление из конструкта прямо в осязаемых жизненных последствиях за счет «профессионализма» дизайнеров международных отношений, геополитики и культурной перцепции. Лишь в этом исключительно профессиональном дискурсе она и может возвращаться, развиваться и перерабатываться до такой степени, что станет неизбежным феноменом, явлением, объектом. Если бы было иначе, это слово принадлежало бы словарю мертвых языков, тех языков, которые не используются, потому что цивилизованный мир, в котором мы уже должны были бы жить, учитывая тысячелетнюю историю человечества, говорил бы и проявлял себя через совершенно другой язык, посредством совершенно других слов. В идеале такой новый, лучший, более красивый и, прежде всего, более гуманный словарь мы все обязаны писать и редактировать.

Есть мнения, что это слово, этот термин в конце XIX века произошел от того же поэта, который сказал, что умом Россию не понять и, что в нее можно только поверить – от

Федора Тютчева (1867). На самом деле утверждают, что термин «русophobia» был введен Федором Ивановичем Тютчевым. Так, в 1867 году в письме к своей дочери Анне поэт использовал это слово одним из первых [13. с. 26]. Однако Тютчев, вероятно, услышал о русophobia в общественных кругах и способствовал его распространению. Ранее, в 1844 году, литературный критик князь Петр Вяземский был первым, кто обратил внимание на русophobia как на негативное отношение к России на Западе [8]. Поэты употребляют слова не случайно, и сегодня интерес мировой общественности и даже популярность этого слова является доказательством их пророческой ценности, как это обычно и бывает у людей искусства.

Однако истоки явлений, обусловивших возникновение данного неологизма, следует искать гораздо раньше. По словам А.В. Раппопорт, «ранним основанием русophobia стала ненависть к восточному христианству (православию), от которого с VII века стала отходить западная (католическая) церковь» [20. с. 439]. В связи с этим, по нашему мнению, не будет лишним обратить внимание на первый эпохальный раскол развитого мира нашей эры, на Великую схизму 1054 года [1. с. 780]. Данное событие, конечно, требует глубочайшего, всестороннего и глубокого междисциплинарного анализа, провести который не позволяет объем данной работы, поэтому в поддержку тезиса о том, что эта дата и событие имеют crucialное (решающее, критическое) значение в исследовании русophobia, тут мы только подчеркнем, что считаем, что это было не разделение на Запад и Восток (Окцидент и Ориент), а разделение на Запад и Русский Запад. Это подтверждает широко известное мнение о том, что в географическом, но также в цивилизационном и культурном отношении Россия на самом деле является частью Европы. Действительно, западная часть Российской Федерации занимает 40% Европы, а то время как 77% страны находится в Азии, большая часть россиян проживает на европейском континенте [15].

Если все вышесказанное верно, то мы полагаем, что русophobia можно рассматривать и как нарциссизм малых различий [12]. К данной идее часто обращаются при анализе анимозитета (вражды) между сербами и хорватами. Если к этому добавить, что сербов часто называют «малыми русскими на Балканах» (блестяще объяснил истоки данного устойчивого выражения сербский политолог и эксперт доктор Драган Симеунович), а хорваты уже формально являются частью Западного мира, то мы видим, что термин «русophobia» обладает потенциалом многогранных политических значений, поэтому тут можно подумать и о синонимах, то есть о некой «востокофобии», страхе перед Востоком. Этот Восток – это, конечно, «русский» Восток. Но, в последнее время мы становимся свидетелями того, что Восток и «китайский», поэтому не стоит удивляться, если в

общественном дискурсе появится слово «синофобия».

В отличие от трактовки русофобии как нарциссизма малых различий, страх перед Востоком хорошо известен в научной литературе. В связи с этим, выделим две, но эминентных (выдающихся) работы: «Использование „Другого“» (1998 г.) норвежского специалиста по международным отношениям Ивэра Нойманна и «Ориентализм» (1978 г.) американского литературного критика палестинского происхождения Эдварда Саида. Саид утверждает, что концепция «Востока» была создана западными обществами как способ самоопределения в противовес экзотизованному (мертвому, умирающему, ушедшему, находящемуся во вне) и инфериорному (неполноценному, низшему) «Другому» [3]. Такая конструкция Востока использовалась для оправдания колониального господства и имперской экспансии. Встречи Европы с Османской империей, будь то посредством дипломатических отношений, военных конфликтов или культурного обмена, сформировали европейское восприятие «Востока» и повлияли на формирование европейской идентичности по отношению к «Другому». Анализ Неймана посвящен роли Османской империи в европейской мечте (воображении) и влиянию на формирование европейской идентичности и геополитической динамики [14]. Таким образом, обе книги исследуют конструирование идентичности и репрезентацию «Другого» в западном дискурсе, хотя и с разных точек зрения, и с разными акцентами.

Между тем Восток менялся. Менялся «больной на Босфоре» [4], но менялась и «старушка Европа» [2], а больше всего менялся ее ребенок. Этот ребенок вырос, ушел от родителей, стал самостоятельным и из колонии превратился в «первую мировую силу». Это та сила, которая заняла место Британской империи в отношениях с Россией, взяла на себя глобальное лидерство и политическое наследие. Вот почему говоря о русофобии мы неизбежно говорим о США.

Немецкий экономист и социолог Вернер Зомбарт говорит о том, что истоки русофобии в США на самом деле лежат в борьбе с идеологией советизма, социализма и особенно коммунизма [5]. По нашему мнению, отсутствие социализма как доминирующей политической силы в Соединенных Штатах является результатом сложного взаимодействия исторических, культурных и политических факторов, включая идеологическую конкуренцию, институциональные структуры и культурные ценности. Америка – очень молодая страна, ее история начинается всего лишь с конца XVIII века. В этот период о русофобии в США говорить рано. Ландшафт политической идеологии и управления там, что впоследствии стало Соединенными Штатами, сильно отличался от того, что мы наблюдаем сегодня. Отметим, что преобладающие политические и экономические системы были

сформированы колониализмом, меркантилизмом и аграрными обществами, а не промышленным капитализмом и социализмом, возникшими позже.

В XIX веке геополитическая напряженность между западными державами и Россией сохранялась, особенно в Восточной Европе и Центральной Азии. Например, «Большая игра» между Британской и Российской империями включала соперничество за влияние и контроль в таких регионах, как Афганистан и Персия (Иран). «Столкновение геополитических интересов Лондона и Петербурга, в частности относительно Польши и Восточного вопроса, активизировало британскую антироссийскую информационную кампанию, направленную на формирование русофобских настроений в британском обществе и на международной арене» [6. с. 1085]. Соединенные Штаты Америки как наследник Британской империи в геополитической картине мира сохраняются негативные стереотипы и предрассудки в отношении русских, подкрепленные культурными представлениями о России как об отсталой, деспотической империи.

Так, уже в XX веке известны и подтверждены случаи, когда отдельные лица или группы, считающиеся коммунистами или социалистами, подвергались преследованиям, арестам и даже насилию. Этот феномен возник под воздействием политической идеологии, геополитического ривалства (соперничества) и социальной напряженности. Вот несколько примеров:

1. ****Антипрофсоюзное насилие****. В конце XIX и начале XX веков, когда индустриализация изменила американскую экономику, появились профсоюзы и социалистические организации, выступавшие за права трудящихся и экономическую справедливость. Однако эти движения столкнулись с ожесточенным сопротивлением со стороны влиятельных деловых кругов и государственных органов [18]. Например, во время «Хеймаркетской бойни» в 1886 году мирный рабочий митинг в Чикаго перерос в насилие, что привело к аресту и казни нескольких анархистских организаторов [22].

2. ****Красная угроза****. В начале и середине XX века, особенно в эпоху Холодной войны, по Соединённым Штатам прокатывались волны антикоммунистической истерии, известной как «Красная угроза». Однако первая такая волна имела место еще после Первой мировой войны и была обусловлена страхом перед восстанием или бунтом, вдохновлённым Октябрьской революцией в России [7]. Правительство, средства массовой информации и государственные учреждения проводили «охоту на ведьм», чтобы искоренить подозреваемых в симпатиях к коммунистам и социалистам, а также сторонников левых взглядов, что привело к массовым арестам, занесению в черные списки и цензуре. Так, целью рейдов 1919-1920 годов под руководством генерального прокурора Александра

Митчела Палмера стали подозреваемые радикалы, анархисты и коммунисты, их результатом стали тысячи арестов, депортаций и нарушений гражданских свобод [10].

3. ****Маккартизм****. В 1950-х годах сенатор Джозеф Маккарти и Комитет Палаты представителей по антиамериканской деятельности (НУАС) начали кампанию по искоренению предполагаемых коммунистов и их сторонников из правительства, научных кругов и индустрии развлечений [19]. Период Маккартизма, характеризующийся клятвами на верность, расследованиями, внесением в черный список и публичными слушаниями, создал атмосферу страха и подозрительности, которая подавляла политическое инакомыслие и свободу выражения мнений. Страх перед инфильтрацией (проникновением) коммунистов использовался для оправдания драконовских мер, направленных против отдельных лиц в Голливуде, научных кругах, профсоюзах и правительстве. Н.И. Кутлимурадова отмечает, что «период «маккартизма» (1950 – 1954 гг.) был непродолжительным, но на национальном уровне проводилась репрессивная политика в отношении части граждан, выразившаяся в обвинениях в сотрудничестве с коммунистами, сопровождавшаяся показательными процессами, массовыми увольнениями, отказами в проведении публичных собраний и митингов, изъятием личной переписки и периодики, введением черных списков, внесение в которые приводило, помимо прочего, к социальным гонениям» [9. с. 155].

4. ****Корпоративное влияние****. Влияние мощных корпораций и богатых элит на развитие американской политической сцены и на разработку американской политики, по нашему мнению, стало препятствием на пути осмысленных реформ и перераспределения богатства. Тесные отношения между крупным бизнесом и правительством, проявляющиеся в лоббировании и содействии (выделении средств) избирательным кампаниям, увековечили систему, которая ставит корпоративные интересы выше потребностей рядовых граждан [21].

До сих пор термин «социалист» в США часто использовался как политический эпитет и элемент тактики запугивания, особенно во время избирательных кампаний, чтобы дискредитировать оппонентов и заручиться поддержкой консервативных избирателей. Однако мы не можем сказать, что это по-прежнему абсолютно так и сегодня, вопреки всей политической инженерии и многослойной кампании в СМИ. Между тем, мы склонны говорить о том, что становимся свидетелями первых изменений на этом плане. На самом деле по мере того, как в конце XIX – начале XX веков в США стали прибывать все больше русских иммигрантов, отношение к русским стало более нюансированным и разнообразным. Мы назвали бы данный процесс сменой поколений.

Действительно, отношение общества к социализму в Соединенных Штатах со

временем изменилось, особенно среди современных молодых поколений. Опросы показывают, что Поколение Y (миллениалы) и Z более открыты для социалистических идей, чем предыдущие поколения, что включает растущую поддержку такой политики, как национальная программа медицинского страхования «Медикэр» для всех, бесплатное обучение в колледже и более высокая минимальная заработная плата. Такое поколенческое изменение мы объясняем такими факторами, как экономическая незащищенность, студенческая задолженность и разочарование в традиционных политических институтах. Это, конечно, не указывает на социализм в США, но это означает, что неолиберальный трайбалистический капитализм может быть и неприемлем, особенно для молодежи. И здесь считаем необходимым напомнить слова французского писателя и поэта Мишеля Уэльбека о том, что кто получит контроль над детьми, получит контроль над будущим [17]. По нашему мнению, такие движения, как Occupy Wall Street, Black Lives Matter и президентская кампания Берни Сандерса, помогли распространить социалистическую критику капитализма и разжечь более широкие дискуссии о системных изменениях.

Мы уже говорили о том, что русофобия — это конструкт в академическом дискурсе и его поддерживают профессионалы, эксперты. В связи с этим интересно обратить внимание на следующее: например, одним из самых известных и, возможно, самых высокооплачиваемых специалистов в области социальных наук является израильский военный историк-медиевист, а также футуролог Юваль Ной Харари, однако те, кто смотрел или слушал его весьма интересные выступления, вероятно, удивлены тем фактом, что он демонстрирует явные и сильные признаки русофобии, хотя он признает, что и в политической науке не является экспертом. Так, без какого-либо углубления в суть вопросы ситуации с Украиной, он называет Россию империалистическим государством, которое в соответствии со свое склонностью захватывает территории соседних стран. Последствие русофобии тут мы видим в не объективном анализе, что невозможно было бы ожидать от интеллектуала такого уровня. Тут мы также видим пример популяризации русофобии через лидеров общественного мнения подобного уровня. Поэтому, может, и хорошо, когда русофобия, как уже было отмечено, остается делом соответствующих специалистов, но очень плохо, когда она проникает в повседневную жизнь.

Есть и другие примеры позиций известных интеллектуалов. Так, бразильский писатель Паоло Коэльо написал в своем Твиттере следующее: «Украинский кризис — удобный повод для русофобии». Британский рок-музыкант Роджер Уотерс говорит о необходимости сочувствия и уважения к жертвам обеих сторон конфликта на Украине. И напоследок хотелось бы подчеркнуть слова, которые, как мы думаем, многое объясняют.

Существует рынок для русофобии, спрос на русофобию и потребители русофобии – то есть «аппетит рынка». Введший это понятие американский историк, занимавшийся изучением истории СССР Стивен Фрэнк Коэн, эмерит-профессор Принстонского и Нью-Йоркского университетов, а также американский политолог, профессор Чикагского университета, специалист по международным отношениям Джон Джозеф Миршаймер согласны в том, что прямо сегодня русофобия «зверствует» в США, имея в виду значительные злоупотребления и манипуляции на основе русофобии в предвыборных кампаниях, то есть в ходе конкуренции за голоса избирателей на политическом рынке. Мы можем говорить о том, что, другими словами, пока существуют потребители, существует и спрос на русофобию – это значит, что существует рынок для русофобии. Все это характеризует неолиберальную меркантилистскую идеологию, воплощенную известным кредо «просто бизнес».

В заключении мы можем сделать вывод о том, что русофобия — очень динамичное историческое явление, лингвистический конструкт, используемый в политических и геополитических целях, а также фактор борьбы за сохранение своей идентичности или ее навязывания другим. Начав с обращения к Великой схизмы 1054 года, нарциссизму малых различий, оправданию колониального господства и имперской экспансии, формированию европейской идентичности и геополитической динамика, через выяснение того, что источниками русофобии в США на самом деле являются борьба с идеологией советизма, социализма и особенно коммунизма, приравнивание социализма и коммунизма к русским и СССР, антикоммунистическая истерия, мы пришли к тому, что существует рынок русофобии и сейчас нет такого исторического наследия или будущих перспектив, которые мы могли бы интерпретировать в позитивном и оптимистическом ключе, за исключением, возможно, умеренных предвестников в «смене поколений».

Идет ли речь о лингвистической конструкции, которая меняла свое значение, актуальность и популярность в результате различных употреблений и злоупотреблений, происхождение которых все еще является предметом дискуссий, в частности, может ли она также быть продуктом поэтической чувствительности; или о последствиях Великой схизмы или раскола, пик которого приходится на Холодную войну, являясь идеологическим эхом борьбы против советизма, социализма и коммунизма; или о политическом инструменте предвыборных кампаний в медийном «обществе спектакля»; или о психологическом использовании феномена Другого при формировании собственной идентичности при нарциссизме малых различий – русофобия, как нам кажется после всего изложенного, не теряет своей актуальности благодаря профессионализму тех, кто ее поддерживает. На самом деле то, насколько оправдано использование «руссофобии» и насколько она реальна, уже

даже не важно в информационной войне, где все сводится к цене. Поэтому, когда выгоднее войны будет мир, он и наступит. В таких условиях мы можем говорить о том, что русофобия – это «упаковка» для продуктов войны и военных продуктов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Enciklopedija živih religija / Jevtić A., Marković Г., Perišić В., Popović P.B., Antolović J., Jelenić J., Tanasković Д., Verber E. 2. fototipско, dopunjeno izd. Beograd: Nolit, 2004. 825 с.
2. Maier Н. European Culture: Myth Or Reality? // Herald of Europe. 2005. № 2. URL: <https://www.heraldofeurope.co.uk/upload/iblock/8bd/8bda628c73d376f8275ee918ffc1299b.pdf>
3. Orijentalizam / Said E.; prevela s engleskog D. Gojković. 2. izd. Beograd. Biblioteka XX vek. Knjižara Krug, 2008 (Beogradm: Čigoja Štampa) 478 str.
4. Rogan E. The Fall of the Ottomans: The Great War in the Middle East / Basic Books, 2015. 512 p.
5. Sombart, W. Why is There no Socialism in the United States?, edited and with an Introductory Essay by C.T. Husbands, foreword by Michael Harrington; White Plains: M.E. Sharpe, Inc., 1976, 187 p.
6. Британская русофобия в первой половине XIX века: политический аспект / Л. А. Крыжко, П. И. Пашковский, Е. И. Давыдова, П. И. Шипилин // Былые годы. 2019. Т. 3, № 53. С. 1078-1085.
7. Буранок, С. О. Революция, русофобия и «красная угроза» в восприятии общества США // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. – 2019. Т. 1, № 4(4). С. 58-62.
8. Душенко К.В. Понятие «руссофобия» у русских авторов XIX-XX вв // Философия. Журнал высшей школы экономики. 2022. №3. С. 222-255.
9. Кутлимурадова Н. И. Реакция американского общества на политику маккартизма, 1950 - 1954 гг.: коммунисты против Маккарти // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 7(41). С. 153-155.
10. Левин Я. А. «Рейды Палмера» - реакция на «красную угрозу» и роль Эдгара Гувера в мероприятиях министерства юстиции США // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 3(28). С. 211-214.
11. Малэцки Л. Эмоция страха как одно из средств языковой манипуляции (на примерах текстов современной русской прессы) // Studia Rossica Posnaniensia. 2010. № 1 (35). С. 145-155.
12. Недовольство культурой / Зигмунд Ф. М.: Фолио, 2013. 222 с.

13. Неменский О. Б. Русофобия как идеология // Вопросы национализма. 2013. № 1(13). С. 26-65.
14. Нойманн И. Использование Другого. Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
15. Носов, М. Г. Россия между Европой и Азией // Современная Европа. 2013. № 3(55). С. 22-40.
16. Общество риска: на пути к другому модерну / Бек. У. Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
17. Покорность / Уэльбек Мишель. Пер. М. Зонина. АСТ, 2023. 288 с.
18. Прилуцкий В. В. «Угольные войны» в США и профсоюзы шахтеров (1890-1939 гг.) // История. Общество. Политика. 2023. № 2(26). С. 19-38.
19. Прохоров К. В. Реликты маккартизма: антикоммунистическое законодательство в США // Universum: экономика и юриспруденция. 2018. № 3(48). С. 12-16.
20. Раппопорт А. В. Русофобия как феномен // Евразийское Научное Объединение. 2019. № 10-5(56). С. 439-443.
21. Соловьев Э. Антироссийское лобби в формировании американской внешней политики // Мировая экономика и международные отношения №4 2011. С.114
22. Черненко Ж.И. Трагедия на площади Хеймаркет и в сердцах трёх анархисток // Диалог со временем. 2020. № 71. С. 260–270.

REFERENCES

1. Enciklopedija živih religija / Jevtić A., Marković G., Perišić V., Popović R.V., Antolović J., Jelenić J., Tanasković D., Verber E. 2. fototipsko, dopunjeno izd. Beograd: Nolit, 2004. 825 с.
2. Maier H. European Culture: Myth Or Reality? // Herald of Europe. 2005. № 2. URL: <https://www.heraldofeurope.co.uk/upload/iblock/8bd/8bda628c73d376f8275ee918ffc1299b.pdf>
3. Orijentalizam / Said E.; prevela s engleskog D. Gojković. 2. izd. Beograd. Biblioteka XX vek. Knjižara Krug, 2008 (Beogradm: Čigoja Štampa) 478 str.
4. Rogan E. The Fall of the Ottomans: The Great War in the Middle East / Basic Books, 2015. 512 p.
5. Sombart, W. Why is There no Socialism in the United States?, edited and with an Introductory Essay by C.T. Husbands, foreword by Michael Harrington; White Plains: M.E. Sharpe, Inc., 1976, 187 p.
6. Britanskaya rusofobiya v pervoj polovine XIX veka: političeskij aspekt / L. A. Kryzhko, P. I. Pashkovskij, E. I. Davydova, P. I. Shipilin // Bylye gody. 2019. T. 3, № 53. S. 1078-1085.

7. Buranok, S. O. Revolyuciya, rusofobiya i «krasnaya ugroza» v vospriyatii obshchestva SShA // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Istoricheskie nauki. – 2019. T. 1, № 4(4). S. 58-62.
8. Dushenko K.V. Ponyatie «rusofobiya» u russkih avtorov XIX-XX vv // Filosofiya. Zhurnal vysshej shkoly ekonomiki. 2022. №3. S. 222-255.
9. Kutlimuradova N. I. Reakciya amerikanskogo obshchestva na politiku makkartizma, 1950 - 1954 gg.: kommunisty protiv Makkarti // Nauchnyj elektronnyj zhurnal Meridian. 2020. № 7(41). S. 153-155.
10. Levin Ya. A. «Rejdy Palmera» - reakciya na «krasnuyu ugrozu» i rol' Edgara Guvera v meropriyatiyah ministerstva yusticii SShA // Samarskij nauchnyj vestnik. 2019. T. 8, № 3(28). S. 211-214.
11. Malecki L. Emociya straha kak odno iz sredstv yazykovej manipulyacii (na primerah tekstov sovremennoj russkoj pressy) // Studia Rossica Posnaniensia. 2010. № 1 (35). S. 145-155.
12. Nedovol'stvo kul'turoj / Zigmund F. M.: Folio, 2013. 222 s.
13. Nemenskij O. B. Rusofobiya kak ideologiya // Voprosy nacionalizma. 2013. № 1(13). S. 26-65.
14. Nojmann I. Ispol'zovanie Drugogo. Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskih identichnostej. M.: Novoe izdatel'stvo, 2004. 336 s.
15. Nosov, M. G. Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej // Sovremennaya Evropa. 2013. № 3(55). S. 22-40.
16. Obshchestvo riska: na puti k drugomu modernu / Bek. U. Per. s nem. V. Sedel'nika, N. Fedorovoj. M.: Progress-Tradiciya, 2000. 383 s.
17. Pokornost' / Uel'bek Mishel'. Per. M. Zonina. AST, 2023. 288 s.
18. Priluckij V. V. «Ugol'nye vojny» v SShA i profsoyuzy shahterov (1890-1939 gg.) // Istorija. Obshchestvo. Politika. 2023. № 2(26). S. 19-38.
19. Prohorov K. V. Relikty makkartizma: antikommunisticheskoe zakonodatel'stvo v SShA // Universum: ekonomika i yurisprudenciya. 2018. № 3(48). S. 12-16.
20. Rappoport A. V. Rusofobiya kak fenomen // Evrazijskoe Nauchnoe Ob"edinenie. 2019. № 10-5(56). S. 439-443.
21. Solov'ev E. Antirossijskoe lobbi v formirovanii amerikanskoj vneshnej politiki // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya №4 2011. S.114
22. Chernenko Zh.I. Tragediya na ploshchadi Hejmarket i v serdcah tryoh anarhistok // Dialog so vremenem. 2020. № 71. S. 260–270.

Рецензент: Шалашников Геннадий Васильевич - доцент кафедры гуманитарных и специальных дисциплин ТФ ВГУЮ (РПА минюста России), канд. филос. наук